

УДК 811.341.4 : 811.352.3

ББК 81.752

Т 46

Тихонова А.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

**Способы и средства выражения пространственных отношений
в хаттском и абхазо-адыгских языках
(Рецензирована)**

Аннотация:

Сравнение хаттских и абхазо-адыгских способов и средств выражения пространственных отношений, являющееся целью данной статьи, дало возможность доказать близкое родство указанных языков на морфолого-словообразовательном уровне. Методика исследования основана на когнитивном подходе к языковым явлениям и на сравнительно-сопоставительном исследовании двух или более языков с исторической точки зрения. Рассматривались родственные слова или их компоненты, если совпадало их графическое написание и значение, взятое из хаттско-хеттской билингвы и из словарей современных абхазо-адыгских языков и их диалектов. Хаттские аффиксы и корневые элементы, выявленные автором, используются для передачи значений места и направления и имеют соответствия в абхазо-адыгских языках. Сделана попытка доказать, что для восстановления логико-понятийной структуры древних слов возможно обращение к материалу современных родственных языков. Результаты анализа позволили определить принадлежность хаттских слов с пространственным значением к тому или иному лексико-грамматическому классу слов и дать перевод слов, которые трактовались двояко разными исследователями или считались неинтерпретируемыми. Результаты исследования могут быть полезны при дешифровке древних текстов.

Ключевые слова:

Пространство, закрытое пространство, пространственные отношения, когнитивный подход, коды культуры, концепт, архетип, синкретизм, место, направление.

Tikhonova A.P.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

**Ways and means of expressing space relations
in the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages**

Abstract:

Comparison of Hattian and Abkhaz-Adyghe ways and means of expressing space relations, which is the aim of the article, made it possible to prove close relationship of the mentioned languages on the morphological and word-building levels. The methodology of investigation is based on the cognitive approach to linguistic phenomenon and on the comparative investigation on two or more languages from historical point of view. Kin words or their components were investigated if their graphic representation and meaning registered

in Hattian and Hittite Bilingua and in dictionaries of Modern Abkhaz and Adyghe languages and their dialects. The Hattian affixes and root elements revealed by the author are used to denote place and direction and have counterparts in the Abkhaz-Adyghe languages. Attempt was made to prove that to restore logic structure of ancient words it is possible to turn to the material of modern kin languages. The results of the analysis made it possible to refer a word with spatial meaning to a certain lexico-grammatical class and to translate the words that were interpreted in two ways by different authors or were considered untranslatable. The results of the investigation may be used for deciphering ancient texts.

Keywords:

Space, closed space, spatial relations, cognitive approach, codes of culture, concept, archetype, syncretism, place, direction.

Несмотря на известные достижения хаттологии системное описание хаттского языка до сих пор не проводилось. Данное исследование представляет собой попытку описать с когнитивных позиций способы и средства выражения пространства в хаттском языке в сравнении с абхазо-адыгскими языками. На наш взгляд, изучение древних языков с опорой на базовые коды культуры позволяет глубже проникнуть в языковую структуру близкородственных языков, выявить их сходства и различия.

Цель данного исследования состоит в доказательстве генетического родства хаттского и абхазо-адыгских языков.

Так как генетическое родство обязательно предполагает соответствие формы и значения сравниваемых элементов, для выявления соответствий лексических единиц в хаттском и абхазо-адыгских языках нами исследовались родственные слова или их компоненты, если совпадало их графическое написание и значение, взятое из хаттско-хеттской билингвы и из словарей современных абхазо-адыгских языков и их диалектов. Хаттские слова даются в латинице, их абхазо-адыгские соответствия в кириллице. При совпадении транслитерации и отсутствии перевода значение слова или его компонентов восстанавливалось через исследование адыгских языков.

При словообразовательном анализе хаттских лексических единиц путем сравнения их с соответствующим материалом адыгских и других родственных им языков

мы исходили из следующих принципов:

(1) словообразовательный аффикс выделялся только в случае его повторности с одним и тем же значением в нескольких контекстах;

(2) допускалась возможность омоимии словообразовательных и грамматических аффиксов.

Материал для анализа извлечен из текстов хаттско-хеттских билингв, приводимых в исследованиях А. Камменхубер и Г. Шустера [1].

Исследование проводится с использованием сравнительно-исторического метода, который уже давно прекрасно оправдал себя и с появлением которого языковедение добилось высоких достижений и весомых открытий.

Наряду с понятиями времени и субстанции (предмета, материи) понятие 'пространство' входит в число главных категорий бытия. Время и пространство – основные формы существования материи. Нет ничего вне времени и пространства.

Понятие 'пространство' тесно связано с понятием места, но вместе с тем они не тождественны. Пространство – неотъемлемая часть не только языковой, но и социальной жизни и культуры, поэтому оно может быть метафорическим, ментальным. Место – часть пространства, занятая каким-либо предметом и используемая для разного рода деятельности [2: 231].

Е.С. Кубрякова указывает на неравенство языкового статуса концептов ме-

ста, предмета и пространства. В то время как концепты места и предмета образуют концептуальные основания такой части речи, как существительное, концепт пространства, формируя основу предлогов и некоторых других частиц, получает в языке широкое отражение и на других уровнях существования языка и в разных классах языковых явлений [3: 84].

В своем анализе пространственных параметров мы исходим из предпосылки, что естественные языки представляют собой коды культуры, которые по-разному преломляют действительность и структурируют окружающий мир.

Согласно Гирцу К., культура – это исторически передаваемая модель значений и система наследуемых представлений, выраженных в виде символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых развиваются и фиксируются их знания и жизненные установки [4: 43]. В ходе сложного исторического развития они закрепляются в языковом сознании социума, говорящего на данном языке, в виде концептов – вербализованных символических образов «идеального» понятия, отражающих ментальное представление носителей языка об «объекте» действительности в соответствии с системой традиций данной культуры.

Код культуры понимается как «сетка» категорий, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [3: 53]. Коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, они эти представления и шифруют. Коды культуры универсальны по своей природе и свойственны человеку разумному (*homo sapiens*). В результате работы, проводившейся А. Вежбицкой и ее коллегами на протяжении 30 лет, было выдвинуто 60 претендентов в универсальные элементарные смыслы [4: 53].

Современные концептуалисты и когнитологи воспроизводят в сущности

один и тот же перечень. Так, Р. Джекендофф, перечисляя главные концепты универсальных концептуальных систем, называет среди них вещь, событие, состояние, место, направление, признак и объем. Близкие к ним инвентари приведены и в исследованиях Гейне Б.: лицо, объект, процесс, пространство, время, качество. Во всех перечислениях на первое место вынесены понятия предмета и процесса или деятельности, а понятия места и пространства всегда следуют за ними, что, собственно, и позволяет поставить вопрос об иерархии понятий или же последовательности их появления в генезисе сознания [3: 83].

В. Красных считает, что базовых универсальных концептуальных систем не может быть много. Гипотетически можно выделить следующие базовые коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [5: 233].

Пространственный код наряду с соматическим является одним из наиболее древних, хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным.

Для выявления особенностей кодирования пространственных отношений в анализируемых языках необходимо принимать во внимание две относительно автономные системы видения мира – так называемую «что-систему (*what-system*)» и «где-систему (*where-system*)» *Where's what and what/s where?* (Где – что и что – где?), т.е. что видит человек и где он видит что-то.

В первой системе в фокусе внимания находится объект – фигура (*figure*) на определенном фоне (*ground – location with respect to some place of object*). Вторая система служит для определения местоположения объектов относительно друг друга, их близости и удаленности от наблюдателя, направления их перемещения [3: 88].

До недавнего времени с легкой руки Б. Уорфа понятие пространства счита-

лось врожденной универсалией, которая в основном имеет одинаковое выражение во всех языках и культурах. А пространственная ориентация по вертикальной оси «верх – низ» и двум горизонтальным «перед – зад», «правый – левый» с эгоцентрической точкой отсчета распространялось на все языки. Однако, как показали дальнейшие исследования, существуют языки, в которых эти понятия отсутствуют, а для ориентации в пространстве используются квадранты на горизонтальной плоскости и географические понятия «север – юг», «восток – запад» (язык Гугу Йимидхирр, северо-восточная Австралия) [6: 215].

В своем исследовании мы исходим из предпосылки, что концепт пространства получает в языке широкое отражение на всех языковых уровнях и в разных классах языковых единиц.

На словообразовательном уровне в хаттском языке в системе имен существительных показателем места является суффикс *-t*: *titahzila-t* «царский престол (то же, что трон)» состоит из следующих корней: *tit* «находиться на», *ah* «царь», *zila* «дерево (материал)», суффикс *-t* – показатель места. Ср. с абхазо-адыгскими корнями: адыгейск./каб. *тетын* /«находиться на поверхности ч.-л.»., абх. *ах*, *ха* «князь», абх. *ацла* «дерево». В абхазском языке суффикс *-ma* также является локативным показателем: *атэарта* «место, сиденье» от *атэара* «сидеть». В адыгских языках существует окаменелый суффикс места *-m(ə)*: адыгейск. *шъхъант*, каб., *цхъэнтэ* «подушка», букв. «место для головы» при *шъхъа/цхъэ* «голова», *-n* – эпентеза [7: 147].

В морфологической структуре слова *tetekuzzan* «очаг» также заложено понятие «место». Слово состоит из следующих корней: *tet/tit* «стоять на, быть»; *ku* «середина», *zza* «огонь» (букв. «стоит посреди огня»). Сравните с абхазо-адыгскими корнями: каб. *ку* «середина», абх. *амца* «огонь», абаз. *мца* «огонь»,

убых. *тэза*, *амза* «огонь».

Понятие «место» отражается в структуре слова *ka-hanuašuidd* «царский трон», которое состоит из следующих элементов: *ka* –усечение от слова *katti* «правитель», *ha* «царь», *n* – эпентеза, *uašu* «небо», *id/it* «находится на». Сравните с абхазо-адыгскими корнями: адыгейск. *хъан* «хан, правитель»; *уашьо* «небо»; адыг./каб. *итын* «находиться г.-л.»; *bala an-neš ka-hanuašuidd* можно перевести как «затем он добрался до царского трона». Как видно из приведенных примеров, хаттские имена часто представляют собой так называемое блочное сочетание, равное целому предложению [8: 124].

В современных адыгских языках также есть сложные слова, образованные сложением именных и глагольных основ: адыгейск. *лъэмыджтес* «сторож моста» (*лъэмыдж* «мост», *тес* «сидит на», букв. «тот, кто сидит на мосту»); каб. *цхъэлтет* «мельник» (*цхъэл* «мельница», *тет* «находится на», букв. «тот, кто находится на мельнице»); каб. *жъэгу* «очаг» из *жъэ(-н)* «жариться» и *гу* «сердцевина, середина».

Существование в хаттском и абхазо-адыгских языках аналогичных словообразовательных моделей помогло разрешить спорный вопрос между Э. Ларошем и И.М. Дунаевской относительно *titahzilat*. Что перед нами: существительное, состоящее из двух основ и означающее «большой трон» (Ларош) или два глагола: *titah* и *zilat*, первый из которых соответствует неситскому *dāirmat*, «(они) посадили его» (Дунаевская) [9: 74-75]?

Понятие ограниченного закрытого пространства (контейнера, вместилища) содержится в словообразовательной структуре хаттских слов с суффиксом *-el/il(i)*, отглагольного происхождения со значением «вместилище». (Ср. с адыгейск. *иль* «лежит, находится»), например, хатт. *uel/uil* «дом; жилье, где живет человек» от корня *u* «человек»; *ua-zari-el* производное от *ua-zar* «овцы», которое А. Камменхубер считает не поддающимся переводу, можно

было бы перевести как «овчарня» [10: 59].

Ср. с адыгейск.: *цы-ль* «корзина для хранения шерсти» (от *цы* «шерсть»); *цыгъу-ль* «солонка» (от *цыгъу* «соль»); каб. *мэ-зыльэ* «лесистая местность»: *мэз* «лес», *льэ* «место,местилище».

Хаттский преверб (глагольная приставка) *ta-* в системе глаголов также употребляется со значением «местонахождения»: *Hattu-še tittahzilat šuuva tabarna katti taniuaš*. «В Хатусе царский трон поместили, чтобы царь правитель там сидел».

Хаттский направительный преверб *ka-* (на вопрос куда?), подобно превербу современного адыгейского языка *кьэ-/кьы-*, выражает приближение действия к кому-либо или чему-либо. хатт. *ka-a-mar istarrazil ha-nuuva Hašamil* «скользя к темной земле бог Хашамиль шел»; *še-tu-uq-qaš* «она к нему (букв. 'к тому') подошла». Ср.: адыгейск. *Садэжь кьа-кӀо* «Приходи ко мне». *Неуц ти кьалэ хьакӀэхэр кьэ-кӀоцтых*. «Завтра в наш город приедут гости».

Как показало изучение текстов, в хаттском языке преобладает категория пространственной ориентации, основанная на психофизиологических категориях перемещения объектов сверху вниз, направления к кому-либо или чему-либо, а также местонахождения на поверхности чего-либо или внутри чего-либо. При этом категория пространственной ориентации нередко выражается с помощью специального аффикса *du/-tu*, присоединяемого к имени: *kab hu i-iah-du kašku zu-du han* «Предание гласит с небес (откуда?) Кашку на землю (куда?) упал».

В современном адыгейском языке существуют аналогичные формы имени существительного, образуемые при помощи специального суффикса *-du* со значением пребывания возле кого-чего-либо или направления к кому-чему-либо. У.С. Зекох выделяет эти формы в адессивный падеж (адессив). Этот падеж иначе можно было бы назвать падежом нахождения. Адессив обозначает: 1) пребывание

около кого-чего-либо: *Пишэшьэжьыер лыжьымди цыс*. «Девочка сидит возле старика». 2) направление к кому-чему-либо: *Ныбжэгьумди сэкло*. «Иду к товарищу» [11: 95].

В хаттском языке, как и в адыгейском, место действия (на вопрос где?) и направление (на вопрос куда?) могут выражаться с помощью эргативного падежа: Например: *Eštan Lahza-n le uel a-an-teh*. – «Бог солнца в Лахцане (место действия) (его=свой дом=храм) поставил (построил)». *Bala an-neš ka-hanuašuidd-un* «Затем он (достиг) добрался (куда?) до царского трона». Сравните: адыгейск.: *Мэзы-м сэкло*. Я иду в лес. *Ахэр университет-ы-м щеджех*. «Они учатся в университете».

Помимо этого местонахождение в хаттском языке выражается с помощью аффикса *-še*, эквивалентного адыгскому продуктивному суффиксу *-иц*, обозначающему место: *Hattuše* – название столицы хаттов. Ср.: адыг. *хьакӀэ-иц* «кунацкая, гостевая» от *хьакӀэ* «гость»; *хьэ-иц* «псарня» от *хьэ* «собака».

Как отмечают Г.В. Рогава и З.И. Керашева, аффикс эргатива *-иц* указательных местоимений исторически мог употребляться и при именах существительных [12: 86].

Со своей стороны К. Ломтатидзе полагает, что в основе указательных местоимений лежат основы наречий места, которые одновременно являлись и указательными местоимениями (т.е. основа была недифференцирована - синкретизм) [13: 36].

Пространственные отношения в хаттском также могут выражаться с помощью глагольных аффиксов. Например, сложный суффикс *ta-šul(a)* выражает как пространственное, так и направительное значение. Он состоит из направительного суффикса *-ta* и суффикса-корня *-šul(a)*, указывающего на направление: 1) внутрь чего-либо: *ašah=pi taš-tu-ta-šula* «дурное же остерегайтесь впускать (букв. 'брать внутрь')». *malhip tetah-šul* «доброе впускайте (букв. 'кладите внутрь')». 2) следо-

вание за чем-либо: *taru tu-uh ta-šu-ul tu-umil* «Тару (Бог грозы) послал вслед дождь с градом». Ср.: абхазский динамический глагол *a-ta-la-ra* «войти внутрь», образованный путем соединения преверба-основы с суффиксом-корнем *-ла*, указывает на направление «войти внутрь». При этом в форме масдара этот суффикс употребляется как с огласовкой *a*, так и без огласовки в зависимости от диалекта: *a-ta-ца-la-ra* «загнать внутрь туда» (абхазский и ашхарский диалекты), *та-ца-л-*

ра (тапантский диалект) [14: 7].

Как показал анализ способов и средств выражения пространственных отношений в хаттском языке и их абхазо-адыгских соответствий, перед нами, действительно, родственные языки. Поэтому для восстановления понятийно-логической структуры древних слов возможно обращение к современным языкам. В результате такого анализа был предложен перевод ряда хаттских слов, считавшихся ранее неинтерпретируемыми.

Примечания:

1. Kammenhuber A. Die protohattisch-hethittische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist // Zeitschrift für Assyriologie. 1955. Bd. XVII (51). S. 102-123.; Schuster H-S. Die Hattisch- Hethischen Bilinguen. Leiden: E.J. Brill, 1974. 148 S.
2. Duranti A. Key Terms in Language and Culture. Blackwell Publishers, 2002. 304 p.
3. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001 272 с.
5. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Foley W.A. Anthropological Linguistics. An Introduction. Chair of English Linguistics / University of Fribourg. Blackwell Publishers, 2002. 514 p.
7. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Ч. 2. М.: Наука, 1977. 224 с.
8. Абрегов А.Н. К взаимоотношению между композитами, синтаксическими блоками и словосочетаниями в названиях растений адыгских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1979. X. VI. С. 122-133.
9. Дунаевская И.М. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М.: Изд-во восточ. лит., 1961. С. 3-159.
10. Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М.: Прогресс, 1980. С. 23-98.
11. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002. 512 с.
12. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1966. 462 с.
13. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология / Ш.К. Аристава, Х.С. Бгажба, Т.Т. Циколия [и др.]. Сухуми: Алашара, 1968. 204 с.
14. Клычев Р.Н. Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1972. 183 с.

References:

1. Kammenhuber A. Die protohattisch-hethittische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist, ZA, N.F., XVII (51), 1955, s.102-123. (Zeitschrift für Assyriologie) Schuster

- H. Die Hattisch- Hethischen Bilinguen. Leiden E.J. Brill, 1974. 148 s.
2. Duranti A. Key Terms in Language and Culture. – Blackwell Publishers. 2002. – 304 pp.
  3. Kubryakova E.S. The notions of place, object and space // Logical analysis of languages. Languages of space. – M.: Languages of Russian culture, 2000. P. 84-92.
  4. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German and Japanese. M.: Languages of Slavic Culture. 2001. 272 pp.
  5. Krasnykh V. Ethno-psycholinguistics and lingvoculturology. M.: Gnosis, 2002. – 284 pp.
  6. Foley W.A. Anthropological Linguistics/ An Introduction. Chair of English Linguistics/ University of Fribourg/ Blackwell Publishers, 2002. – 512 pp.
  7. Shagirov A.R. Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages, Part 2. M.: Nauka, 1977. – 224 pp.
  8. Abregov A.N. Interrelation of compound words, syntactic blocks and word-combinations used as names of plants in the Adyghe Languages // Annual of Ibero-Caucasian Linguistics, Tbilisi, 1979. V. VI, – P.122-133.
  9. Dunayevskaya I.M. Principles of the structure of the Hattian (Protohittite) verb // A Collector on Asia Minor. Problems of Hittitology and Hourritology. M.: Publishing House of Oriental Literature, 1961. P. 57-159.
  10. Kammenhuber A. The Hattian Language // Ancient languages of Asia Minor. M.: Progress, 1980. P. 23-98
  11. Zekokh U.C. Adyghe Grammar. Maikop: Adygheya, 2002. – 512 pp.
  12. Rogava G.V., Kerasheve Z.I. Grammar of the Adyghe language. Krasnodar; Maikop: Krasnodar publishing house, 1966. – 462 pp.
  13. Aristava Sh.K., Bgazhba Kh.S., Tsikoliya T.T., [etc.] Grammar of the Abkhaz language. Phonetics and Morphology. Sukhumi: Alashara, 1968. – 204 pp.
  14. Klychev R.N. Verbal suffixes of direction in the Abaza and Abkhaz languages. Cherkessk: Stavropol publishing house. Karachai-Circassian Department, 1972. – 183 pp.